

А.А. Сизова

«СМЕШАННЫЕ» ДЕЛА С УЧАСТИЕМ ПОДДАННЫХ РОССИИ И КИТАЯ В МОНГОЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ПРОБЛЕМЫ СЛЕДСТВИЯ И СУДОПРОИЗВОДСТВА

*Работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики
и мировой политики НИУ ВШЭ в 2018 г.*

Рассматриваются следственные и судопроизводственные практики российских официальных представительств в Монголии, монгольских и маньчжурских (позднее китайских) властей в регионе до 1917 г. в отношении дел, участниками которых становились подданные Российской и Цинской империй, а с 1912 г. – Китайской Республики и автономной Монголии, и получивших название «смешанные». На основе широкого круга источников, прежде всего, неопубликованных, освещаются специфика правовой основы, организации следствия и рассмотрения в суде гражданских и уголовных дел, имевших место на территории Монголии, проблемы, возникавшие в ходе следственных действий, разбора тяжб, вынесения наказаний и приведения их в исполнение, а также роль и место сложившихся практик в регулировании российско-китайско-монгольских взаимодействий.

Ключевые слова: Россия; Китай; Монголия; консульская юрисдикция; «смешанные» дела.

Активизация «восточного» вектора транснациональных контактов и внешней политики России в последние годы, углубление партнерства Российской Федерации с Китайской Народной Республикой и Монголией, создание новых форматов сотрудничества, таких как «Улан-Баторский диалог», придает исследованию слабоизученных вопросов истории и взаимодействия данных стран не только научную, но и общественную значимость. Одним из направлений, в которых продолжают открываться новые страницы, является история российско-китайских и российско-монгольских, а также трехсторонних отношений в период до 1917 г., разнообразных практик, составлявших их основу. Особым предметом изучения выступают вопросы разрешения споров между населением упомянутых стран в рамках хозяйственных и социальных взаимодействий, функционирования системы следствия и судопроизводства по так называемым «смешанным» делам.

Со второй половины XIX в. политика Цинской империи в отношении Монголии претерпела заметные изменения. Страна постепенно открывалась для китайского торгового капитала, колонизации, на пригодные для земледелия территории прибывало население из Внутреннего Китая. В частности, с конца XIX в. пастбища сдавались князьями в аренду китайцам, а с началом массовой колонизации земля стала продаваться. С этими процессами связывают усиление экономического давления на монгольские хозяйства и одновременно – интернационализацию и зарождение раннекапиталистических тенденций.

Включение Монголии в международные экономические процессы происходило в том числе благодаря развитию торговли с Россией. Товарный обмен через границу имел место и в ранние, однако со второй половины XIX столетия в нем стали принимать участие не только восточносибирские купцы, установился торг и по Чуйскому тракту с Западной Сибирью. До начала XX в. Россия среди всех европейских держав обладала фактически уникальным правом торговли с Монголией.

В Урге (Их-Хурээ) и крупных пунктах Западной Монголии сложились русские фактории, возрастало количество контактов через границу, а следовательно, и объем спорных ситуаций между их участниками. Все это обуславливало необходимость развитой системы разрешения противоречий как между подданными одной страны (например, Российской или Цинской империи), так и «смешанных», сторонами в которых выступали подданные разных государств.

По договорам между двумя империями в изучаемый период судебные полномочия на территории Китая и Монголии с российской стороны вменялись дипломатической миссии в Пекине и консулам в других городах и регионах империи, наделенных правом консульской юрисдикции. В эти годы в Монголии действовало четыре консульства: в Урге (открыто в 1861 г., позднее – генеральное консульство, с 1913 г. возглавлялось генеральным консулом и дипломатическим агентом), Улясутае (фактически работало с 1906 г., официально – с 1909 г.), Шара-Сумэ (с 1911 г.) и Кобдо (с 1913 г.). В 1916 г. открылось вице-консульство в Маймачзене. При всей своей важности консульский суд в Монголии всегда был уязвим для критики со стороны предпринимателей, государственных и академических кругов и самих дипломатов за «неэффективность» и «косность», что в полной мере относилось и к сфере «смешанных» дел.

Вопросам специфики следствия и судопроизводства по делам «смешанной» категории в старой Монголии ранее не уделялось пристального внимания в российской и зарубежной науке. Отдельные сведения о системе управления в Монголии, некоторых особенностях взаимодействия представителей МИД России с местными властями, в том числе по вопросам решения споров, в этот период были собраны А.М. Позднеевым [1], а также членами томской экспедиции 1910 г. [2]. Вклад в описание судебных процедур, в том числе «судов мулл», опиравшихся на шариат и народные обычаи, в пограничных регионах Цинской империи

(в основном в Западном Китае) сделал Н.В. Богоявленский [3, 4].

Предметно над проблемами судебной функции российских консульств на Востоке работал Ф.Ф. Мартенс [5], акцентировав, однако, внимание на ближневосточном регионе. Важными для исследования являются работы, посвященные вопросам развития консульской службы Российской империи, которые широко обсуждались на заре XX столетия. Отечественный консульский институт в это время, наряду с мировым, переживал сущностный кризис и все чаще подвергался критике деловых и государственных кругов. В рамках дискуссий изучалась его история [6], переосмыслилось его содержание, предпринимались попытки разрешить проблемы, проистекавшие из одновременного функционирования его в двух плоскостях – дипломатической и коммерческой. Среди таких публикаций следует отметить труды А.А. Гейкинга [7, 8], Э.Н. Берендтса [9], А.В. Сабанина [10, 11], но проблемы консульской юрисдикции в них рассматривались в основном с позиций экономических интересов России, а страновые тонкости, тем более в связи со «смешанными» делами, практически не попадали в фокус внимания.

На современном этапе некоторые вопросы реализации консульского суда в Китае в изучаемый период были затронуты Е.И. Сафроновой [12], применительно к Синьцзяну – Э. Мамедовой [13], В.В. Галиевым [14, 15]. Сюжет «международных съездов» в практике разрешения «смешанных дел» на центральноазиатских рубежах рассматривался в работах К.Ш. Хафизовой [16, 17], В.А. Моисеева [18], Ли Шэна [19]. Выводы данных исследований позволяют провести ряд параллелей между процессами, протекавшими в Восточном Туркестане и других регионах. В ряде наших предшествующих работ [20, 21] были изучены контекст и основные направления деятельности российских дипломатических и консульских сотрудников в области реализации консульской юрисдикции в пограничных с Россией регионах Китая и Монголии в позднецинский и раннереспубликанский периоды.

В данной статье предполагается осветить ключевые особенности судопроизводственных практик, существовавших в Монголии в период с 1860-х по 1910-е гг., связанных с делами, участниками которых являлись подданные России и Китая (с 1912 г. – и автономной Монголии). Рассмотрению подлежат специфика нормативной основы, форм и содержания следственных и судебных процедур по «смешанным» делам в разных регионах Монголии, основные типы исков, факторы, затруднявшие судопроизводство, и значение сформировавшихся практик для развития и регулирования контактов России с Китаем и Монголией. Анализ разрешения «смешанных» дел в Монголии осуществлялся исходя из комплексности предмета исследования, находящегося на стыке нескольких областей научного знания – истории, науки о международных отношениях и международного права. Наибольшую экспликативность при изучении данного феномена продемонстрировал синтез реалистической парадигмы и элементов цивилизационного подхода к международным и межкультурным взаимодействиям. Источниковая

база исследования в значительной степени представлена неопубликованными документами Архива внешней политики Российской империи, Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН, документальными публикациями, трудами путешественников и другими релевантными материалами.

Нормативно-правовая база следственной и судопроизводственной деятельности по так называемым «смешанным» делам была весьма ограниченной. С момента образования российского консульства в Урге до конца 1911 г. данная деятельность осуществлялась властями Монголии и официальными представителями России на основе договоров между Российской и Цинской империями, а после объявления Монголией «независимости» к данным документам добавились новые, связанные с закреплением автономного статуса Монголии. До создания консульства в Урге сношения российских пограничных властей (генерал-губернатора Восточной Сибири и градоначальника Кяхты) по данному вопросу с властями Монголии велись через кяхтинского пограничного комиссара, который передавал документы специальному чиновнику – царгучею. Ургинские же амбани передавали документы, адресованные российским властям, через кяхтинского царгучея, который доставлял их кяхтинскому пограничному комиссару.

В трактатах между Российской и Цинской империями (Кульджинском 1851 г., Тяньцзиньском 1858 г., Пекинском 1860 г. и Санкт-Петербургском 1881 г. [22. С. 59–62, 64–69, 71–79, 118–124] отражались наличие консульской юрисдикции и экстерриториальности, судебные обязанности консулов. Более поздние из них содержали разъяснения по следственным полномочиям и процедурам, в том числе по «смешанным» делам. Так, в ст. 7 Тяньцзиньского договора указывалось, что дела между подданными двух империй должны разбираться только совместно уполномоченными представителями России и Китая [Там же. С. 67]. Пекинский договор подтверждал это положение и закреплял норму принятия мер местным начальством и консульскими чинами только в отношении соотечественников, запрещал задержание и наказание подданных не своих государств [Там же. С. 75]. Спецификация процедур в Монголии была кратко озвучена лишь в Пекинском и Петербургском договорах, в которых фиксировались обязательства местных властей содействовать консульствам России в следствии и судопроизводстве по делам с участием подданных двух империй [22. С. 74–77, 122–124].

Вторая часть нормативной базы представлена национальным законодательством, в частности Сводом законов Российской империи и входящим в него Консульским уставом [23]. Раздел Устава 1903 г. по регулированию консульского суда преимущественно содержал положения, общие для всех консульских заграничных учреждений, с краткими разъяснениями по Китаю и Корее, без каких-либо специальных статей для таких регионов, как Монголия или Синьцзян. В «Руководстве для консулов» 1903 г. упоминается циркуляр Министерства юстиции от 3 октября 1882 г., в котором сделано уточнение к Уложению о наказаниях относительно следственных действий консульств

в Китае по делам в производстве российских судов, фигурантами которых являются лица, проживавшие в консульских округах [24. С. 475–476]. По конкретным случаям консульства напрямую получали распоряжения министерства. В регламентацию судебной деятельности консульств в Китае и Монголии также были внесены уточнения в связи с закреплением 16 марта 1911 г. Сенатом применения в регионе порядка персидских консульских судов. В 1913–1914 гг. межведомственной комиссией МИД, министерств юстиции, финансов, торговли и промышленности, государственной канцелярии, главами российских загранучреждений обсуждался проект реформы консульских судов, предложенный Б.Э. Нольде, которому так и не суждено было реализоваться [4. С. 403]. Специальный судебный устав для консулов Российской империи так и не был создан.

В свою очередь, национальная нормативная основа, которая использовалась при расследовании преступлений и назначении наказаний осужденным маньчжурскими, монгольскими и китайскими властями, была представлена Уложением Палаты внешних сношений (Лифаньюань) [25, 26], приказами и руководствами Цзунли-ямэня, а также нормами традиционного права, действовавшими в Монголии. Большое влияние во Внешней Монголии вплоть до начала XX в. имел свод правовых обычаев «Халха-Джирум», основная часть которого была создана в начале XVIII в. [27. С. 71]. За годы пребывания Монголии в составе Цинской империи местные право и судопроизводство существенно трансформировались под воздействием китайского права с его суровыми наказаниями и способами дознания. В период автономии Монголии доминирование кодифицированного китайского права сохранилось в уголовном судопроизводстве, в гражданском же повысилась роль обычного монгольского права. В районах Западной Монголии, где проживали киргизы, казахи, узбеки и другие этнические группы, исповедовавшие ислам, важной составляющей правового базиса также являлось традиционное мусульманское право. По словам П.Я. Пясецкого, совершившего путешествие через Монголию в Китай в 1874–1875 гг., «...от прежних воинственных и когда-то странных монголов не осталось ничего, кроме преданий; теперь они представляют совершенно мирный, добродушный и до известной степени забытый народ...» [28. Т. 1. С. 21]. Замечание путешественника о «забитости» населения Монголии характеризует степень давления, оказывавшегося на ее население как национальными, так и маньчжурскими властями, в том числе в правоохранительной и судопроизводственной сферах.

В период «независимости» и автономии Монголии документальная база, в соответствии которой отправлялось правосудие по делам с участием подданных России, Монголии и Китая, пополнилась соглашениями, протоколами и декларациями, подписанными в двух- или трехстороннем формате. Соглашение от 21 октября (3 ноября) 1912 г. определяло порядок работы судебных комиссий, в которые входили российские консулы и чиновники монгольского правительства [22. С. 556]. По тройственному Кяхтинскому соглашению, офор-

мившему широкую автономию Монголии, для разрешения споров между выходцами из России, Китая и подданными Богдо-гэгэна создавались уже трехсторонние комиссии [Там же. С. 422].

Кроме вышеуказанных компонентов стоит отметить важность обычая в процессе рассмотрения «смешанных» дел, который складывался постепенно, по мере развития отношений России с Китаем и Монголией и в каждом регионе и субрегионе имел свои особенности. При этом значение устных договоренностей и заведенных обычаев в реальной практике могло быть гораздо большим, нежели у закрепленных письменно положений, тем более принимая внимание их весьма свободную трактовку местными властями.

После Первой мировой войны прежняя система отношений Запада и Востока, предполагавшая консульский суд, потеряла актуальность. Однако в изучаемый период он являлся важной частью работы заграничных учреждений. При этом в Российской империи так и не было выработано четкой регламентации консульской юрисдикции, нормативных актов, учитывавших специфику работы в отдельных регионах Востока. В Монголии, где консульские штаты были немногочисленны, расстояния между населенными пунктами велики, население расселено крайне дисперсно, а также существовал целый ряд культурных, административных, климатических особенностей местного характера, выполнение следственных и судопроизводственных обязанностей являлось задачей высокой сложности.

Среди наиболее распространенных предметов «смешанных» дел в Монголии стоит выделить следующие: кража скота (баранта), кража иного имущества, порча имущества (в основном при караванной доставке товаров), уклонение от уплаты долгов, мошенничество, ростовщичество, хулиганство, мелкие проступки. Случаи тяжких уголовных преступлений, зафиксированных в документах, были достаточно редки, однако весьма сложны для расследования и судопроизводства. Рассмотрим некоторые из распространенных правонарушений и процедуры их разбора.

Часто встречающейся проблемой в отношении российского и монгольского пограничного населения была баранта (угон скота). Ярким примером такого хозяйственного конфликта был затяжной спор урянхайцев (сойотов) и русских, проживавших на границе Минусинского округа Енисейской губернии и Урянхайского края (современной Тывы) в 1860–1870-х гг. XIX в. В ходе данного конфликта сойоты в 1878 г. даже прибегли к насильственному отъему скота у русских, мотивируя это тем, что он был приобретен незаконно [29. С. 121–122]. В разрешении спора приняли участие местные урянхайские власти, сибирское пограничное начальство и российское консульство в Урге, представитель которого лично выезжал на границу для выяснения обстоятельств дела.

Развитие российско-китайской торговли чаем и другими товарами во второй половине XIX в., в которой Монголия играла важную транзитную роль, предопределяло появление противоречий между заказчиками – российскими предпринимателями – и доставщиками грузов – монголами. Практически круглый

год «смешанные» дела такого типа занимали торговых старшин и консулов. Подавляющее большинство исков составляли заявленные российскими купцами к монгольским возчикам по поводу невыполнения обязательств, взятых по сделкам, в частности затягивания сроков доставки или порчи имущества в пути. При неблагоприятных погодных условиях подрядчики не могли довести грузы в срок. Постоянные жалобы поступали по поводу подмочек чая, сваливаемого подрядчиками-монголами в степи. Подобные инциденты приводили к существенным финансовым потерям предпринимателей. В ургинском консульстве в 1860-х – первой половине 1890-х гг. количество таких дел ежегодно увеличивалось, и, несмотря на приложенные усилия, не все процессы приводили к удовлетворительным для истцов результатам [30. Л. 10–10 об.]. С 1895 г. чаоторговцы стали страховать грузы в Русско-Китайском банке, что постепенно снизило количество исков по материальному ущербу, причиненному в процессе доставки товаров [Там же. Л. 489].

Уклонение от уплаты долгов по кредитам, выданным русскими и китайцами монголам, также являлось распространенным предметом «смешанных» дел. В Монголии, где торг был в основном долговым, был широко распространен хошунный кредит. Последний был весьма выгоден российским и китайским фирмам, поскольку средства предоставлялись под высокие проценты. При этом порядок возвращения одолженных средств и процентов в Монголии был далек от юридического. Преимущественно он определялся фактическими отношениями кредитора и кредитуемого, и нередко заимодавцам приходилось оказывать давление на должников, просрочивших выплату. Китайские крупные фирмы, чьи кредитные условия были весьма жесткими, нередко применяли насилие по отношению к должникам-монголам, а иногда и разоряли целые хошуну. При высоких темпах обнищания Халхи как следствия роста налогов и поборов властей, а также ростовщичества китайских фирм, даже самые богатые хошуну за несколько лет могли стать неплатежеспособными. В этих условиях монгольские хозяйства вновь и вновь обращались за кредитами как к россиянам, так и к китайцам, несмотря на то, что это могло сделать кредиты невозвращаемыми и даже повлечь самоуправство заимодавцев.

Хошунное кредитование таило множество рисков для российских банков, в частности лишая банки серебра, поскольку монгольские князья брали займы под зачастую ненадежные гарантии. Например, деятельность Русско-Китайского банка в Монголии оказалась невыгодной из-за его приверженности европейским нормам работы финансовых учреждений [31]. Активно финансируя монгольских князей, банк, в силу способности местных правителей вернуть ссуды, получал взамен лишь множество долговых документов, в условиях Монголии не имевших ценности, нес убытки. Фактором неудачи Русско-Китайского банка в Халхе стало документирование сделок русских купцов, не знавших монгольской письменности, на монгольском языке, что открывало широкое поле для фальсификаций. Однако при помощи российских консульств удавалось

решить и некоторые почти безнадежные долговые дела. Так, летом 1910 г. консул в Улясутае оказал поддержку доверенному Русско-Китайского банка, закрывшего отделение в этом городе, взыскав с монголов долгов примерно на 70 тыс. руб. при реальной стоимости выданных векселей в 20–30 тыс. руб. [2. С. 229]

Решение «смешанных» долговых дел по частным искам было наиболее трудоемким. Российскую сторону в таких спорах представлял консул или его уполномоченный, монгольскую – в первой инстанции хошунные монгольские, во второй – маньчжурские (до конца 1911 г.) власти. Если ответчиком являлся подданный Цинской империи, который был признан несостоятельным, консул готовил представление о необходимости удовлетворить иск кредитора и на основании монгольских норм о несостоятельности должника взыскать долг с хошуна. В силу спорной юридической силы кредитных сделок, незнания большинством русских монгольского письменного языка, а монголами – русского (в то время как данные о долгах записывались только русскими купцами в их кредитные книги), дела могли приобретать трудноразрешимый характер. Важным условием успешного исхода таких споров являлась честность русских купцов, но случаев повторного и чрезмерного взыскания долгов с монголов, а также необъяснимых «конверсий» сумм долгов также было немало. В соответствии с российским законодательством по исковым претензиям консулы имели право взимать не более 12% суммы. В реальности кредиторы могли в разы увеличивать первоначальную сумму долга [Там же. С. 403]. Наблюдались случаи, когда российские коммерсанты требовали оплаты долга по завышенному курсу лана и прибегали к другим приемам получения выгоды, незаконность которых было сложно доказать, так как многие сделки заключались в устной форме.

Российские консульства не располагали юридическими инструментами воздействия на соотечественников в вопросе о суммах долгов – назначение первоначальной цены товаров и русскими, и монголами являлось делом частным – и тем самым не могли официально прототвращать подобное «ростовщичество» купцов-соотечественников [Там же. С. 402]. При этом в условиях отсутствия четко регламентированного порядка рассмотрения долговых претензий консульским сотрудникам при разборе «смешанных» дел помогали не только документы из хошунных управлений, фиксировавших сделки, но и собственно информация, извлеченная из бесед с участниками споров, опыт, интуиция и здравый смысл. Будучи не в состоянии запретить «конверсии» долговых сумм, они старались помогать снижать уровень конфликтности в коммуникации истца и ответчика, а также убеждать стороны приходить к компромиссу по суммам и условиям выплат. Для уменьшения рисков при заключении крупных международных кредитных сделок российские консулы настаивали на том, чтобы стороны подтверждали их документально у местных властей.

Другая разновидность «смешанных» дел была связана с занижением оплаты или неоговоренной реструктуризацией оплаты услуг монгольским возчикам

или поставщикам сырья (например, пушнины). В консульских отчетах содержатся свидетельства понижения некоторыми российскими закупщиками стоимости монгольского сырья, бартерной оплаты услуг испорченными или залежавшимися товарами и т.д. [32. Л. 136–137 об.]. Такие иски редко заявлялись монголами официально и, как правило, разбирались на уровне торговых старшин и нижних чинов монгольских управлений. Подобные дела было нелегко отследить, поскольку большинство сделок заключалось устно и нередко вне пределов пунктов пребывания консульств и управлений. При разборе споров стороны могли легко изменять свои показания, и тяжбы затягивались. В этих случаях акакалы или консульские служащие могли назначать размеры взысканий по своему усмотрению на основе соглашения с местными властями.

На рискованность для консульского авторитета участия сотрудников МИД в решении вопросов по возвращению частных долгов не раз указывали сами дипломаты, а также ученые и предприниматели [2. С. 403]. С другой стороны, отказывая истцам в рассмотрении дел, консульства не могли дать гарантий, что противоречия не приобретут более острый характер, не последуют попытки взыскать долги незаконными способами, которые могли повлечь еще более негативные последствия для «русского имени». В связи с этим дипломатическая миссия в Пекине по требованию цинского правительства поднимала вопрос о прекращении кредитных сделок в Монголии. Однако данная мера не была реализована, так как не отвечала существовавшим в кочевой стране экономическим и социальным реалиям.

Распространенным типом происшествий в Монголии, требовавшим международного расследования, было исчезновение людей. Так, во время объезда консулом В.Ф. Любой Западной Монголии в 1904 г. была установлена вина киргизов Тарбагатайского и Кобдоского округов в пропаже служащего русского купца Аксенова. Виновные были оштрафованы на 3000 лан [33. Л. 26 об.]. В августе 1906 г. исполняющий обязанности консула В.В. Долбежев в Улясутае принял меры к расследованию исчезновения в киргизских кочевьях Кобдоского округа российского подданного Абду-Кадыра [Там же. Л. 26]. В производстве консульств подобные дела появлялись периодически, и на их расследование могли направляться усилия сразу нескольких российских представительств, местных управлений, хошунных дзасаков и русской колонии.

Расследование серьезных уголовных преступлений, в особенности совершенных в отношении российских подданных на территории Монголии, и разрешение судебных дел по ним обычно представляли существенные сложности. В первую очередь это было связано с неразвитостью в стране следственного института, стремлением ограничить влияние российских представителей со стороны маньчжурской администрации и укрывательством преступников в хошунах. Направлявшиеся амбанами следственные комиссии в своих заключениях нередко допускали ошибки и даже фальсификации. Так, в деле об убийстве иркутского мещанина Иннокентия Устюгова в июле 1894 г., умершего от травм на территории Монголии, чиновники мань-

чжурского управления в Урге, работавшие над делом по запросу консула Я.П. Шишмарева, привели очевидно ложную причину смерти [30. Л. 275–278]. Они пытались доказать, что смерть российского подданного наступила в результате злоупотребления алкоголем. Я.П. Шишмарев убедил амбаней в необходимости дополнительного расследования. Иркутский окружной врач И. Попов, осмотрев тело, пришел к заключению о возможности насильственной смерти, поскольку на теле жертвы присутствовали повреждения. Также следствие установило, что Устюгов был ограблен. По делу проводились многочисленные сыскные мероприятия, очные ставки подозреваемых, совместные заседания представителей российских и китайских властей. Однако за недостаточностью улик и невозможностью установления личности виновного дело было закрыто «по соглашению со здешними правителями», о чем генконсул донес в Азиатский департамент МИД в январе 1897 г. [Там же. Л. 228–230, 275–278, 279–284, 358–367, 489–489 об.].

Основными органами, разбиравшими «смешанные» дела в Монголии, в соответствии с трактатами являлись так называемые «двухсторонние комиссии», обязательными членами которых со стороны России являлись консулы, а со стороны империи Цин – маньчжурские наместники. По российско-монгольскому соглашению 1912 г. вместо последних правительством Богдо-гэгэна назначались его уполномоченные представители, по Кяхтинскому соглашению 1915 г. к ним добавлялись и представители Китайской Республики. Неразрешенные дела могли направляться в Пекин на рассмотрение российской миссии и цинского правительства.

В период с 1860-х гг. до начала XX в. со стороны России бремя разрешения обычных и «смешанных» дел на территории всей Монголии несло на себе ургинское консульство. Так как консул не имел возможности совершать частые поездки по стране, дела в Западной Монголии рассматривались им совместно со специальным чиновником-цзурганом, базировавшемся в Улясутае, преимущественно в переписке и через старшин торгового сообщества. Во время поездок по округу – в основном с середины весны по середине осени – консул и цзурган стремились разрешить максимальное количество накопившихся дел [1. Т. I. С. 250–251]. Между приездами консула Улясутай посещал драгоман консульства и работал над «смешанными» делами с местным чиновником более низкого ранга – мэрийном. С назначением улясутайского консула последний в следственной и судопроизводственной работе сотрудничал с указанными чиновниками, а также совместно с улясутайским цзянцзюнем (по крупным делам) [34. Л. 3–3 об.]. Решения двусторонних комиссий по хозяйственным спорам, долговым делам считались окончательными и предполагали расчет в зале суда.

В Алтайском округе, которому в 1913 г. был присвоен особый статус, решение «смешанных» споров было весьма проблематичным в связи с отсутствием в регионе российского официального представителя до 1911 г. и открытым противодействием местной власти. Со времени выделения данного округа из Кобдоского (1907) базировавшийся в Шара-Сумэ старший кобдоский амбань Си Хэн стремился максимально избегать

контактов с российским консульским институтом и рассмотрения любых дел с участием российских подданных [34. Л. 3 об.–4]. По сообщениям исполнявшего обязанности консула в Улясутае В.В. Долбежева, на начало февраля 1910 г. Си Хэном не был решен ни один торговый спор, так как он либо не отвечал на официальные бумаги, либо секретари ямыня присылали письма о сделанных распоряжениях, не существовавших в реальности. В связи с этим В.В. Долбежев призывал открыть в Шара-Сумэ отдельное консульство, которое бы контролировало ситуацию в Алтайском округе и перманентно воздействовало на старшего кобдоского амбана. После учреждения российского консульства в 1911 г., а затем в Кобдо в 1913 г., и реорганизации управления в округе в 1913–1914 гг. ситуация с разрешением «смешанных» дел улучшилась. Стоит отметить, что для данного региона было характерно активное использование формата «международных съездов» приграничного населения для разбора «смешанных» дел.

В сферу ответственности российских консулов в Урге входило также разрешение пограничных дел и за пределами Халхи, по которым они сносились с властями Цицикара, Барги, солонских земель [30. Л. 212]. Крайне редко в изучаемый период такие дела поступали на суд двусторонней комиссии в Ургу, они, как правило, решались на съездах караульных властей и местного населения [Там же. Л. 213 об.]. Ответственность работавших в Монголии консулов в отношении Урянхайского края (Сойотии) не была четко определена, и «смешанные» дела в этом районе рассматривались чиновниками Усинского пограничного округа и местными урянхайскими правителями с учетом особых местных обычаев.

Отдельно стоит отметить роль в решении «смешанных» российско-китайских дел торговых старшин (аксакалов). Как и в Синьцзяне, институт старшин в Монголии был первой инстанцией в большинстве хозяйственных споров и имел важнейшее организационное значение для русской колонии. Это было особенно характерно для запада страны, где консульские учреждения появились лишь в 1900–1910-х гг., и можно согласиться с тем, что аксакалы оказывали ощутимую помощь консульству [13. С. 309]. Как правило, старшины избирались из наиболее авторитетных представителей торгового сообщества. По функциям, в зависимости от региона, они могли быть близки вице-консулам (например, в Синьцзяне), иногда нештатным консулам, консульским агентам, но в строгом смысле параллели со сферой ответственности аксакалов и статусом названных консульских чинов провести трудно, кроме того, они не утверждались министерством официально. В Монголии наиболее широкие полномочия у торговых старшин наблюдались в Улясутайском, Кобдоском, Алтайском округах.

С начала XX в. на западном и северном рубежах империи ввиду активизации торговых контактов с Россией Пекин создал специальные «комиссии по русско-китайским делам», которым были вменены полицейские, административные и судебные полномочия [35. С. 297]. Уже в 1902–1903 гг. в Кобдо и Улясутай

были назначены так называемые «русские цзурганы» [36. Л. 161–161 об.]. С этого времени, благодаря договоренностям консула в Урге с кобдоским амбаном и улясутайским цзянцзюнем об упорядочении документооборота и сотрудничеству с чиновниками управлений, при рассмотрении «русских дел», прежде всего экономических, удавалось избежать многих недоразумений и проволочек.

Если дела принимали затяжной характер, для принятия решений созывались так называемые «международные съезды» [30. Л. 278]. Как и в Западном Китае, такие съезды предполагали судебные разбирательства приграничного населения. Выработка приемлемых решений в Улясутайском, Ургинском округах Монголии могла затрудняться в силу долгого обсуждения квалификации правонарушений, определения принадлежности истца или ответчика к тому или иному хошуну, а также собственно содержания противоправного деяния, оценка степени серьезности которого у маньчжурских, монгольских и российских чиновников могла отличаться. Вполне объяснимо, что на «международных съездах» в Монголии для ускорения завершения слушаний российские консулы максимально использовали свой авторитет, поскольку количество дел на одном съезде могло насчитывать несколько десятков. В самых сложных случаях стороны практиковали обращение к вышестоящим властям – российские представители направляли реляции в миссию в Пекине или непосредственно в Министерство иностранных дел, а маньчжурские амбаны входили с докладами в Цзунли-ямэнь. С конца 1911 г. до середины 1915 г., когда маньчжурские чиновники покинули Монголию, а китайские еще не прибыли, российские представители имели большое влияние при разрешении дел на подобных съездах, однако в этот период осложнилась сама имплементация решений.

Сфера разрешения «смешанных» дел являлась одной из самых насыщенных в практике российских консулов, торговых старшин, маньчжурских и монгольских властей в изучаемый период. Находясь в тесной зависимости от внешних факторов – общего состояния дипломатических связей двух империй, региональной архитектоники международных отношений на Дальнем Востоке, – она одновременно испытывала влияние внутривнутриполитических и экономических трансформаций в данных странах, а также различных ситуационных факторов, в том числе характера коммуникации консульских сотрудников с отдельными местными правителями. Одновременно результаты правоохранительной и судопроизводственной деятельности отражались на взаимодействиях представителей России с монгольской и маньчжурской администрациями.

Отсутствие единой системы российских консульских судов и регламентирующих их деятельность документов затрудняло деятельность «восточных» консулов в области осуществления правосудия. Проходивший службу в Западном Китае Н.В. Богоявленский отмечал, что «в каждом консульстве... установились особые порядки», и сотрудники руководствуются в основном «не законом, а собственным разумом» [4. С. 402–403]. Приводя пример разбора «смешанных» дел в Чугучак-

ском консульском округе, он упоминал, что каждая из сторон комиссии прилагала усилия скорее для защиты соотечественника, чем для выяснения истины в конкретном деле. Указывая на несовершенство правовой основы этой деятельности, консул писал: «...у нас нет никакой общей с китайцами почвы, на которую могли бы опереться как на юридическую норму... Становясь на строго юридическую точку зрения, этот порядок решения нельзя назвать и судом» [4. С. 405].

Работа со «смешанными» делами включала производство следствия по инцидентам, происходившим не только в Монголии, но также и в России и других странах, если это касалось российских подданных, проживающих в данный момент в Монголии. В следственном процессе могли принимать участие консульские чины не только одного, но и нескольких округов, старшины, а также представители пограничных администраций. В отношениях сибирского начальства и представителей МИД, чьи полномочия в отдельных сферах могли пересекаться, нередко существовали свои сложности, о чем свидетельствуют различные жалобы в донесениях данных должностных лиц. В частности, консулы могли отказываться проводить те или иные следственные процедуры с вовлечением китайских подданных, ссылаясь на ограничения своей юрисдикции по межгосударственным трактатам. В свою очередь, российские местные администрации не всегда могли или желали оказывать содействие в расследовании дел, причастными к которым были выходцы из их регионов, в силу дефицита средств, кадров и других причин. В циркуляре Министерства юстиции 1882 г. подчеркивались «значительные затруднения» в ведении следствия в Китае, и российским судебным органам рекомендовалось обращаться к консулам за содействием только в случае крайней необходимости. Допросы подданных Цинской империи разрешалось требовать только после направления запросов Министерства юстиции в Пекин через МИД [24. С. 475–476].

Неподсудность выходцев из России местным судебным органам являлась важнейшим условием применения принципа экстерриториальности в Китае и Монголии. Следовательно, для российских представителей в Монголии была актуальной задача по защите соотечественников от незаконного преследования маньчжурских и монгольских властей, которое практиковалось в отдаленных районах страны. Например, некоторые русофобски настроенные маньчжурские правители Внешней Монголии время от времени в нарушение трактатов принимали решения в одностороннем порядке. Так, в декабре 1896 г. ургинский амбань Гуй Бин предъявил претензии торговому дому «П.А. Бадмаев и Ко» о «неправильных действиях» его поверенных в Монголии, минуя консульство в Урге, чем нарушил ст. 7 Тяньцзиньского трактата [30. Л. 467]. В таких далеких от пунктов базирования консульств районах, как Прикосоголье, Алтайский округ, произвол местных властей приобретал и другие формы. При подобных инцидентах российскими дипломатами заявлялись протесты маньчжурским чиновникам как лично, так и посредством обращений к посланнику в Пекине, который направлял протесты в пекинское ведомство внешних

сношений. Дипломатическая миссия также помогала оказывать воздействие на местные власти в случае настойчивого саботажа совместного с российскими представителями проведения следственной и судопроизводственной работы Там же. Л. 475–476].

При совместном проведении следствия по «смешанным» делам проявлялся целый ряд особенностей поведения цинских чиновников. Наблюдались промедление в ответах на письма, небрежное отношение к документам и частая их утеря, затягивание дел, неспособность найти ответчиков на обширных пространствах степной страны [37. Л. 14 об.], пристрастное отношение к подозреваемым на допросах, смещение фокуса внимания с существа дела на нерелевантные детали, запугивание подсудимых. Кроме того, предварительное следствие, принятое в России, в Китае, как правило, не выделялось в отдельный этап, маньчжурские и китайские чиновники пытались интегрировать его в судебное следствие. Эти обстоятельства порождали сложности в принятии и исполнении судебных решений и нередко обрекали истцов на многолетнее ожидание торжества правосудия. Однако, что ярко иллюстрирует дело о сожжении в 1885 г. в пустыне Гоби крупной партии чая купца Шевцова, по которому ответчики не были найдены в течение более чем 10 лет [30. Л. 212 об., 233–238, 263–263 об.], разрешение сложных и затянувшихся «смешанных» дел происходило посредством дипломатического воздействия. В указанном деле по настоянию консульства Урге и миссии в Пекине убытки российской фирме были возмещены из государственного бюджета империи Цин. Таким образом, результатом «смешанных» процессов, особенно при отсутствии достаточных доказательств, как правило, становилось не установление истины, а компромисс русской и китайской сторон, достижение которого требовалось от сопредседателей комиссий.

Сложности в решении «смешанных» дел добавляла специфика китайских и монгольских законов и ведения следствия и судебной деятельности местными правителями в отношении китайских подданных. Суд в Китае и Монголии представлял собой весьма жесткую процедуру, наказания были суровыми [27. С. 97–101], степень коррумпированности чиновников, особенно маньчжурских, – высокой, и подданные Цинской империи стремились всячески избегать участия в каких-либо тяжбах, поскольку ущерб могли понести не только ответчики, но и истцы. Монголы и китайцы испытывали искренний страх перед дачей показаний, подписанием любых бумаг [4. С. 377–378], не говоря о том, что при установлении вины даже за незначительное правонарушение их могло постигнуть серьезное наказание. Участие в «международных» комиссиях представляло определенные риски для престижа российских консульских сотрудников. Защищая интересы соотечественников и требуя наказания виновных, в глазах местного населения они могли ассоциироваться с той жестокостью, которой отличались наказания в «старой» Монголии [26. Т. II. С. 75–175], следовательно, в определении размеров ущерба также требовалось найти баланс. Тем не менее, несмотря на просьбы рос-

сийских консулов о замене маньчжурских следователей и делопроизводителей монгольскими [2. С. 147–148], маньчжуры, как правило, сохраняли свои должности, до конца 1911 г.

Назначение и исполнение наказаний по «смешанным делам» подданным России составляло другую нетривиальную задачу для служащих МИД в Монголии. С одной стороны, ввиду необходимости поддерживать престиж России в глазах местного населения и соотечественников, они, как правило, стремились не смягчать наказания. Строгая политика в отношении вредных для «русского имени» преступных и неэтичных действий должна была не только обеспечивать национальную безопасность, но и производить определенное внешнее впечатление. При консульстве в Урге содержалось тюремное помещение [38. Л. 65], в котором могли отбывать наказание российские подданные, осужденные за нетяжкие уголовные преступления или получившие в качестве меры пресечения административный арест. В случае установления вины в более серьезных преступлениях или для проведения прокурорского расследования лица могли быть высланы в российские пределы с запретом на последующий въезд [2. С. 406].

В силу дисперсного проживания населения на территории Монголии, неразвитости коммуникаций и климатических особенностей страны осуществление следствия, особенно в период с поздней осени до середины весны, представляло существенные трудности. При этом, если правонарушения со стороны выходцев из России усилиями консульств, торговых старшин и пограничных властей устанавливались и пресекались более организованно и успешно [30. Л. 141–142 об.], то отмеченная выше специфика работы маньчжурских, а впоследствии монгольских и китайских служащих предполагала дополнительную нагрузку при расследовании дел, совершенных подданными Цинской империи. Для проведения судебно-медицинской экспертизы консульства приглашали специалистов из Сибири, в чем проявлялось сотрудничество учреждений МИД и пограничных администраций России [Там же. Л. 279–284].

Современниками отмечалось, что одной из слабых сторон организации консульской защиты российских интересов являлась перегруженность канцелярской работой, в частности перепиской с местными властями [Там же. Л. 10–10 об.]. Региональные черты деловой коммуникации – промедление с ответами, туманность формулировок, пространность сообщений контрагентов, перекладывание ответственности – определяли значительные объемы переписки и перевода с восточных языков и обратного перевода. Особенно интенсивным в этом отношении стал период с начала 1880-х по начало 1910-х гг. Поскольку консульства в Монголии постоянно сталкивались с проблемой малочисленности штатов, в переписку были вовлечены все сотрудники, зачастую в ущерб решению других задач. Внештатным же переводчикам в силу финансовых затруднений консульств и дороговизны жизни в Монголии консулам приходилось доплачивать из собственных средств.

В разборе «смешанных» дел существовала и лингвистическая проблема. На обширной территории Монголии для решения хозяйственных и других противо-

речий требовалось знание не только монгольского, маньчжурского, китайского и русского языков. В Кобдоском и Алтайском округах, где проживали киргизы, казахи, узбеки, татары, существовала необходимость в переводчиках тюркских языков. Несмотря на то, что в данных округах, как и в Синыцзяне, на помощь приходили представители российского торгового сообщества, являвшиеся носителями этих языков или владевшие ими на достаточном уровне, в практике неизбежно возникали трудности перевода и недоразумения. В свою очередь, данными языками владели не все уполномоченные представители цинской (впоследствии китайской) власти. В Западной Монголии среди всех чиновников со стороны Китая русским языком в основном владели только «русские цзургань», а следствие и судебные заседания, как правило, проводились на монгольском языке [34. Л. 3–3 об.].

Изменение с середины 1900-х гг. стратегической обстановки на Дальнем Востоке, активизация китайского, японского и европейского капитала и последовавший в конце десятилетия кризис российской торговли в Монголии предопределили более напряженный фон для работы в стране. До 1912 г. консулы были единственными представителями Российской империи в Монголии, и недовольство по поводу упущения экономических выгод на Востоке, несовершенства российской бюрократии, звучавшее в отношении правительства, адресовалось и им. Начавшаяся в 1909 г. подготовка реорганизации консульской службы не завершилась в связи с началом первой мировой войны [39. С. 20–21].

Критика в отношении консульского института в Монголии, высказанная членами торговых экспедиций – московской [40] и томской [2], направленных в страну в 1910 г., касалась в том числе и практики решения торговых споров. М.И. Боголепов и М.Н. Соболев делали акцент на кадровом дефиците, бюрократизированности, плохой информированности, недостаточной подготовке консульских сотрудников в области права и других обстоятельствах, препятствовавших профессиональной защите ими отечественных экономических интересов. Отмечалось, что при такой постановке дела чиновнику МИД в Монголии «...довольно трудно быть полезным для русских даже при добром желании» [Там же. С. 400]. Они указывали на то, что контроль за исполнением трактатов и жизнью диаспоры затрудняло дисперсное расселение русских по обширной территории страны при малом количестве консульств и скудости их штатов [Там же. С. 396–398]. В результате работа консулов, требовавшая частых выездов и осмотров, превращалась, по их мнению, в бумажное делопроизводство. Очевидными были трудности с распространением информации, коммуникацией с местными властями, координацией деятельности сотрудников. Эти и другие обстоятельства служили факторами падения авторитета консульской власти, свободной трактовки цинским чиновничеством положений договоров, укрывательства правонарушений, распространения коррупции, самоуправства как со стороны маньчжурских чиновников, так и иногда – русских торговцев, когда консульская помощь была недоступна.

1 декабря 1911 г. Монголия объявила о независимости и создании теократического государства под управлением духовного главы Джебдзун-Дамба-хутухты. До конца мая 1915 г. российская дипломатия прилагала значительные усилия для урегулирования политического конфликта Монголии и вновь образовавшейся Китайской Республики, не признававшей независимость Монголии, которые увенчались подписанием трехстороннего Кяхтинского соглашения об автономии Монголии. В этот период уровень сношений консульств с монгольскими властями повысился, они стали взаимодействовать непосредственно с правительством Богдо-гэгэна, а представители Пекина вернулись в страну только во второй половине 1915 г. Российский консул в Урге получил статус дипломатического агента, расширились штаты консульств, открылись новые учреждения в Западной Монголии. При этом разрешение «смешанных», особенно долговых, дел приобрело более затяжной характер, так как монгольские князья и простые араты отказывались выплачивать долги потерявшим, по их мнению, легитимность китайским фирмам. В период падения торговых оборотов и некоторого охлаждения отношений с Россией после подписания российско-китайской декларации 1913 г. подобная ситуация коснулась и российских фирм. Неотлаженные управленческие механизмы автономной Монголии, в особенности в западных регионах, в свою очередь, не позволяли эффективно решать задачи по понуждению к выплате долгов, проведению следственных действий. Так, если за 1910 г. большая часть долгов по ургинскому консульскому округу была взыскана (на общую сумму около 200 тыс. руб.), то уже 1911 г. показатели резко снизились. В своем отчете управляющий генеральным консульством в Урге В.Н. Лавдовский отмечал, что при отсутствии в городе полицейского учреждения, а у консульства – средств на поиск должников, а также при нежелании русской колонии тратиться на организацию полиции в округе деятельность консульства в сфере взимания долгов, следственных и судопроизводственных действий осуществлялась крайне проблематично [41. Л. 76].

В автономной Монголии появились новые сложности, относящиеся к организации суда и следствия. Например, из-за сужения полномочий представителя богдо-гэгэновского правительства в Улясутае в период автономии Монголии в его обязанности перестал входить разбор споров между россиянами и монголами в Дзасакту-ханском и Сайн-нойон-ханском аймаках, в то время как они относились к Улясутайскому консульскому округу [42. Л. 21–24]. В донесении от 30 мая 1915 г. консул А.А. Вальтер констатировал, что таким образом монгольский чиновник отказывался от решения дел и в отдаленном Прикосогольском районе, в котором издавна происходили конфликты российских подданных с местным населением. А.А. Вальтер предлагал генеральному консульству воздействовать на монгольское правительство с целью расширения полномочий местных правителей для совершенствования системы взаимодействия по правовым вопросам.

Понимая суть проблем в решении своих задач, связанных со «смешанными» делами, сотрудники кон-

сульств и миссии в Пекине прилагали серьезные усилия для борьбы с ними. На уровне стандартизации процедур в отдельных районах страны Министерством иностранных дел это допускалось, поскольку для центрального аппарата была очевидной большая осведомленность консульств о местной обстановке. Однако проводить существенные изменения в процедурах было нелегко. Так, консулы в Урге на протяжении длительного периода пытались добиться упрощения подачи исков китайских подданных, прежде всего мотивируя это тем, что маньчжурские управления в ответ будут охотнее участвовать в разборе «русских дел» [30. Л. 489]. Другим примером является инициатива о внедрении обязательной фиксации сделок между российскими и китайскими подданными в письменной форме в консульстве или ямэне, призванная повысить гарантии выполнения договоренностей и облегчить судопроизводство [38. Л. 123]. Некоторые из выдвигаемых инициатив отклонялись российскими министерствами – иностранных дел, финансов или торговли и промышленности, некоторые не находили поддержки цинской или монгольской администрации, а также предпринимателей. Так, письменная фиксация сделок, повышая прозрачность отношений участников экономической деятельности, ограничивала возможности спекуляций, раскрывала информацию об оборотах фирм, что предопределяло непопулярность этой меры в торговом сообществе. Стоит отметить и фактор бюрократизированности в работе заграничных учреждений и пограничных администраций, находящихся на большом удалении от центральных ведомств и вынужденных порой годами ожидать согласования инициатив и предложений по оптимизации своей деятельности.

Следствие и судопроизводство по делам с участием подданных Российской и Цинской империй (с 1912 г. – Китайской Республики и автономной Монголии) являлись многомерной и комплексной сферой российско-монгольско-китайских взаимодействий, участниками которой были как официальные, так и неофициальные институты. Несмотря на попытки реформирования в 1910-х гг., российская консульская юрисдикция не получила окончательного оформления и ушла с исторической сцены с распадом системы заграничных учреждений Российской империи после Октябрьской революции. Принцип суверенного равенства государств внедрялся в отношения со странами Востока неравномерно и постепенно, утвердившись только с окончанием эры колониализма. Практики разрешения «смешанных» дел на монгольской территории, введенные в период функционирования императорских консульств, сохранялись в неофициальном виде практически до конца 1920 г., когда бывшие дипломаты, после революции действовавшие от лица белогвардейских властей, вынуждены были покинуть страну.

Работа по «смешанным» делам в Монголии демонстрировала разницу норм, традиций, менталитетов представителей нескольких миров: российского, монгольского, мира маньчжурской власти и собственно китайской цивилизации, в рамках которой в изучаемый период и существовала маньчжурская администрация, во многом впитавшая ее ценности и обычаи,

а также представленная большим контингентом китайских торговцев, а после 1915 г. и комиссарами, сменившими цинских наместников. На западно-монгольских рубежах данное межцивилизационное взаимодействие становилось еще более разнообразным за счет мира мусульманских народов России и Китая, контакты которых через границу в отдельных аспектах могли протекать мирно и конструктивно (например, именно здесь эффективно работал институт «международных съездов»), но при определенных условиях и взаимодействиях с другими «мирами» способны были порождать трудноразрешимые проблемы. Несомненно, все эти цивилизационные особенности, противоречия и интересы необходимо было принимать во внимание при реализации следствия и судопроизводства, а также регулирования транснациональных взаимодействий в Монголии в целом.

Вместе с непроработанностью юридической базы, спецификой местных правовых традиций и во многом прецедентного характера суда, удаленностью региона, особенностями его климата и бытовых условий, неполной координацией с приграничными администрациями, личностными особенностями местных правителей расследование и суд по «смешанным» процессам были весьма трудоемкими. При подробном изучении существовавших практик и отдельных кейсов очевидным становится то, что жесткая критика в адрес организации российской юридической деятельности в Монголии, особенно со стороны академических кругов, учитывала не всю упомянутую специфику. Представляется, что в силу особенностей региона и протекавших в нем процессов наличие консульского судебного устава или специального юридического образования у сотрудников заграничных учреждений не гарантировало бы принципиального повышения качества процесса разрешения «смешанных» дел. Характер этой деятельности предопределял целый ряд структурных факторов, не связанных собственно со степенью филигранности ведения документооборота или артикулированности уставных процедур. Основные трудности были связаны с принятием и практической имплементацией решений в специфических и меняющихся обстоятельствах. При этом консульства продельвали значительную работу для обеспечения «цивилизованности» суда и поддержания своего высокого статуса в регионе прохождения службы, не воспринимая его как априорный.

Касательно действенности механизма разрешения дел с участием подданных разных государств документы свидетельствуют о том, что до конца 80-х гг. XIX в. консульство в Урге успешно закрывало большинство поступавших в его производство дел.

Всплеск деловой активности в конце XIX в. – первой декаде XX в., повлекший увеличение трансграничных торговых потоков, вызвал большое напряжение сил сотрудников единственного консульства, и только после официального открытия консульств в Улясутае, Шара-Сумэ и Кобдо, совпавшего с постепенным уменьшением числа операций российских подданных в Монголии, следственная и судопроизводственная деятельность в остальных регионах страны приобрела более адекватный поставленным задачам характер.

Проведенное исследование позволило установить, что, невзирая на многочисленные трудности реализации следствия и судопроизводства по «смешанным» делам, в изучаемый период в Монголии была выработана регионально-специфическая система их разрешения, относительно адекватная местным условиям. Ее институциональной основой являлась совместная деятельность местной маньчжурской (впоследствии китайской), монгольской администрации и официальных представителей России – консулов, управляющих консульствами, дипломатических агентов (с 1913 г.), а также торговых старшин. В рамках упомянутой системы сложился комплексный механизм, функционировавший на нескольких началах: положениях международных договоров, соглашений и национального права; нормах и принципах традиционного права и морали, существовавших в Китае и Монголии; системе прецедентов и неписаных соглашений между официальными лицами, а также отдельными группами населения двух государств империй, сложившихся в определенные местные практики.

Деятельность, связанная со «смешанными» делами, в каждом из регионов Монголии требовала учета их исторической, культурно-духовной, хозяйственной специфики, глубокого понимания особенностей межэтнических и межкультурных взаимодействий, применения целого ряда особых профессиональных компетенций. Сотрудничество представителей России, Китая и Монголии, их совместные усилия по совершенствованию работы двусторонних и трехсторонних комиссий, документооборота за более чем полвека послужили развитию российско-монгольско-китайских отношений, модернизации суда и смягчению наказаний в местном судопроизводстве, распространению среди населения и властей некоторых современных эпохе социальных норм и ценностей. Сформировавшиеся следственные и судопроизводственные практики стали неотъемлемой частью нормативного, организационного и культурного базиса международных взаимодействий в Монголии во второй половине XIX – начале XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Позднеев А.М. Монголия и монголы. СПб., 1896. Т. I; 1898. Т. II.
2. Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция 1910 г. Томск, 1911.
3. Богоявленский Н.В. Юрисдикция русских консулов в Западном Китае и судебная деятельность Чугучакского консульства // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 3. С. 28–70.
4. Богоявленский Н.В. Западный Застенный Китай. Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб., 1906.
5. Мартенс Ф. О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. СПб., 1873.
6. Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII веке. М., 1899. Ч. I, II.
7. Гейкинг А.А. Консульская служба России и в других странах // Море. 1907. № 19–20.
8. Гейкинг А.А. Четверть века на российской консульской службе. Берлин, 1921.

9. Берендтс Э.Н. Соображения о срочной необходимости переработать заново Российский устав консульский. СПб., 1913.
10. Сабанин А.В. К вопросу о положении консульской службы // Известия МИД. 1913. Кн. II. С. 139–160.
11. Сабанин А.В. Еще к вопросу о задачах консульской службы // Известия МИД. 1916. Кн. V–VI. С. 279–291.
12. Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII – начале XX в. СПб., 2002.
13. Мамедова Э. Из истории развития консульских отношений между Туркестанским генерал-губернаторством и Синьцзяном // Научные работы и сообщения АН УзССР. Отделение общественных наук. Ташкент, 1963. Кн. 7.
14. Галиев В.В. «Смешанные дела» в деятельности российских консулов в Синьцзяне (конец XIX – начало XX вв.) // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2010. 8 апр. URL: <http://journal.org/articles/2010/hist15.html>
15. Галиев В. В. Русские консульства в Синьцзяне (конец XIX – начало XX в.). Алматы, 2011.
16. Хафизова К.Ш. Международные съезды как новая форма регулирования отношений между Россией и Китаем во второй половине XIX в. // Из истории международных отношений Центральной Азии. Алма-Ата, 1990. С. 153–176.
17. Хафизова К.Ш. Международные русско-китайские съезды на границе // Мысль. 2015. 18 июня. URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=6157>
18. Моисеев В.А. Новые данные о международных съездах на русско-китайской границе в Центральной Азии в 80-х годах XIX – начале XX вв. // Центральная Азия и Сибирь : первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда : материалы конф. (Барнаул, 14 мая 2003 г.). Барнаул, 2003. С. 167–171.
19. 厉声. 喀什斯坦及其与中国新疆的关系 (15世纪-20世纪中期) (Казахстан и его отношения с китайским Синьцзяном (XV – середина XX вв.)). Харбин, 2004.
20. Сизова А.А. Особенности и проблемы реализации консульской юрисдикции России в Монголии во второй половине XIX – начале XX века // Россия и Монголия на рубеже XIX – XX веков: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. Иркутск ; Улан-Батор, 2013. С. 134–142.
21. Сизова А.А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М., 2015.
22. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / под общ. ред. В.С. Мясникова. М., 2004.
23. Свод законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, изданными в порядке ст. 87 законов основных, и позднейшими узаконениями. Изд. неоф. / сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В. Герценберг; под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Кн. 1–5.
24. Руководство для консулов / сост. С.М. Горяинов. СПб., 1903.
25. Бичурин И. Записки о Монголии. СПб., 1828. Т. 1, 2.
26. Уложение Китайской Палаты внешних сношений / пер. с маньчжур. С.В. Липовцов. М., 1828. Т. I, II.
27. Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное) : исторический очерк. Харбин, 1931.
28. Пясецкий П.Я. Путешествие в Китай в 1874–1875 гг. (через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай) : из дневника члена экспедиции : в 2 т. СПб., 1880.
29. Единархова Н.Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск, 2003.
30. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 562.
31. Старцев А.В. Российский кредит в русско-монгольской торговле (вторая половина XIX – начало XX в. // Восточный архив. 2000. № 4–5. С. 86–91.
32. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564.
33. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616.
34. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638.
35. Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М., 2007.
36. Долбежев В.В. Русская торговля в Халхаской Монголии // Сб. консульских донесений. 1907. Год десятый. СПб., 1907. Вып. IV. С. 291–297.
37. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563.
38. АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 139.
39. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565.
40. Ильин Ю.Д. Основные тенденции в развитии консульского права. М., 1969.
41. Московская торговая экспедиция в Монголию в 1910 г. М., 1912.
42. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566.
43. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623.

Sizova Alexandra A. National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). E-mail: sayun@yandex.ru
“MIXED” CASES INVOLVING THE RUSSIAN AND CHINESE SUBJECTS IN MONGOLIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – THE EARLY 20TH CENTURY: THE ISSUES OF INVESTIGATION AND LEGAL PROCEEDINGS

Keywords: Russia; China; Mongolia; consular jurisdiction; “mixed” cases.

The specific features of the investigation and legal proceedings on “mixed” cases in Mongolia remains one of the understudied issues of the history of Russian-Mongolian-Chinese relations, Russia’s diplomatic and consular service, as well as the history of Russia, Mongolia and China in the second half of the 19th – the early 20th centuries. This article presents the results of the interdisciplinary study of this problem, based on a wide range of published and unpublished sources, including those from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire and the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts (RAS). The research is aimed at the comprehensive analysis of the legal basis of the law enforcement and judicial activities of Russian consulates and local Mongolian and Manchurian (from 1915 – Chinese) authorities, the most common types of offenses and suits, the features of the institutions involved in the resolution of civil and criminal cases, the investigative and judicial procedures in different regions of Mongolia, as well as the main difficulties in the work on “mixed” processes. Practices of investigation and litigation are examined in the context of international and inter-civilizational interactions in the region.

The research demonstrates that the most serious problems in investigative and judicial activities included Russian government’s uncertainty about the strategy toward Mongolia until the early 1910-s, the lack of a legal framework for the implementation of consular jurisdiction in the East and special instructions related to the region, and a whole number of organizational and cultural issues. The delay in opening consulates in Western Mongolia left numerous Russian traders without reliable protection from arbitrary actions of the local officials. Among other difficulties, there are the opposition of the Qing authorities, their permissive interpretation of the Russian-Chinese treaties as well as their poor investigative work, severity of punishments imposed and corruption that made the local population fear any court procedures and adversely affected the reputation of the “mixed” commissions. Nevertheless, the region-specific system of resolving “mixed” cases based on the cooperation of the local administration and Russian official representatives, the border authorities and heads of the Russian trade communities, despite its weaknesses, can be called functional for the local conditions. The complex mechanism relying on Russia’s treaties and agreements with China and Mongolia, the local traditional norms and principles as well as the system of precedents and informal agreements between Russian, Manchu, Chinese and Mongolian officials and between the certain groups of the population, was preserved some time after the Russian Revolution of 1917 and contributed to the regulation of international interactions in Mongolia, even in the face of the large-scale historical transformations.

REFERENCES

1. Pozdneev, A.M. (1896) *Mongoliya i mongoly* [Mongolia and the Mongols]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Russian Geographical Society.
2. Bogolepov, M.I. & Sobolev, M.N. (1911) *Ocherki rusско-mongol'skoy trgovli. Ekspeditsiya 1910 g.* [Essays on Russian-Mongolian trade. Expedition of 1910]. Tomsk: Sib. t-vo pech. dela.
3. Bogoyavlensky, N.V. (1898) *Yurisdiksiya russkikh konsulov v Zapadnom Kitae i sudebnaya deyatelnost' Chuguchakskogo konsul'stva* [Jurisdiction of Russian consuls in Western China and judicial activities of the Chuguchak consulate]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 3. pp. 28–70.
4. Bogoyavlensky, N.V. (1906) *Zapadnyy Zastennyy Kitay. Ego proshloe, nastoyashchee sostoyanie i polozhenie v nem russkikh poddannyykh* [Western Inner China. Its past, present and position of Russian subjects there]. St. Petersburg: A. Suvorin.
5. Martens, F. (1873) *O konsulakh i konsul'skoy yurisdiksii na Vostoke* [About the consuls and consular jurisdiction in the East]. St. Petersburg: A. Benke.
6. Ulyanitsky, V.A. (1899) *Russkie konsul'stva za granitseyu v XVIII veke* [Russian consulates abroad in the 18th century]. Moscow: G. Lissner & A. Geshel.
7. Gaiking, A.A. (1907) *Konsul'skaya sluzhba Rossii i v drugikh stranakh* [Consular service of Russia and in other countries]. *More*. 19–20.
8. Gaiking, A.A. (1921) *Chetvert' veka na rossyskoy konsul'skoy sluzhbe* [Twenty five years in the Russian consular service]. Berlin: Puttkammer & Muhlbrecht.
9. Berendts, E.N. (1913) *Soobrazheniya o srochnoy neobkhodimosti pererabotat' zanovo Rossiyskiy ustav konsul'skiy* [Considerations about the urgent need to re-consider the Russian Consular Charter]. St. Petersburg: [s.n.].
10. Sabanin, A.B. (1913) *K voprosu o polozhenii konsul'skoy sluzhby* [On the consular service]. *Izvestiya MID*. 2. pp. 139–160.
11. Sabanin, A.B. (1916) *Eshche k voprosu o zadachakh konsul'skoy sluzhby* [Again on the tasks of the consular service]. *Izvestiya MID*. 5–6. pp. 279–291.
12. Safronova, E.V. (2002) *Stanovlenie i razvitiye konsul'skoy sluzhby Rossiyskoy imperii v XVIII – nachale XX v.* [Formation and development of the Russian consular service in the 18th – early 20th century]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr.
13. Mamedova, E. (1963) *Iz istorii razvitiya konsul'skikh otnosheniy mezhdru Turkestanskim general-gubernatorstvom i Sin'tsyanom* [From the history of the development of consular relations between the Turkestan Governor-General and Xinjiang]. *Nauch. raboty i soobshcheniya AN UzSSSR*. 7.
14. Galiev, V.V. (2010) *"Smeshannyye dela" v deyatelnosti russkikh konsulov v Sin'tsyanе (konets XIX – nachalo XX vv.)* ["Mixed cases" in the activities of Russian consuls in Xinjiang (the late 19th – early 20th centuries)]. [Online] Available from: <http://jurnal.org/articles/2010/hist15.html>.
15. Galiev, V.V. (2011) *Russkie konsul'stva v Sin'tsyanе (konets XIX – nachalo XX v.)* [Russian consulates in Xinjiang (the late 19th – early 20th centuries)]. Almaty: [s.n.].
16. Khafizova, K.Sh. (1990) *Mezhdunarodnye s"edzy kak novaya forma regulirovaniya otnosheniy mezhdru Rossiey i Kitaem vo vtoroy polovine XIX v. Iz istorii mezhdunarodnykh otnosheniy Tsentral'noy Azii* [International congresses as a new form of regulation of relations between Russia and China in the second half of the 19th century. From the history of international relations in Central Asia]. Almaty: Gylym. pp. 153–176.
17. Khafizova, K.Sh. (2015) *Mezhdunarodnye rusско-kitayskie s"edzy na granitse* [International Russian-Chinese congresses at the border]. *Mysl'*. 18th June. [Online] Available from: <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=6157>.
18. Moiseev, V.A. (2003) *[New data on international congresses on the Russian-Chinese border in Central Asia in the 1880s – early 20th century]. Tsentral'naya Aziya i Sibir': Pervyye nauchnyye chteniya pamyati E.M. Zalkinda* [Central Asia and Siberia: The First E.M. Zalkind Readings]. Proc. of the Conference. Barnaul. May 14, 2003. Barnaul. pp. 167–171. (In Russian).
19. Anon. (2004) *厉声, 哈萨克斯坦 及其 与 中国 新疆 的关系 (15 世纪 -20 中期)* [Kazakhstan and its relations with Chinese Xinjiang (the 15th – mid 20th centuries)]. Kharbin: [s.n.].
20. Sizova, A.A. (2013) *Osobennosti i problemy realizatsii konsul'skoy yurisdiksii Rossii v Mongolii vo vtoroy polovine XIX-nachale XX veka* [Features and problems of the implementation of the Russian consular jurisdiction in Mongolia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: *Rossiya i Mongoliya na rubezhe XIX–XX vekov: ekonomika, diplomatiya, kul'tura* [Russia and Mongolia at the turn of the 20th century: economics, diplomacy, culture]. Irkutsk, Ulan-Bator: Baikal State University of Economics and Law. pp. 134–142.
21. Sizova, A.A. (2015) *Konsul'skaya sluzhba Rossii v Mongolii (1861–1917)* [Consular Service of Russia in Mongolia (1861–1917)]. Moscow: Nauka.
22. Myasnikov, V.S. (ed.) (2004) *Rusско-kitayskie dogovorno-pravovyye akty. 1689–1916* [Russian-Chinese legal acts. 1689–1916]. Moscow: Pamyatniki ist. mysli.
23. Mordukhay-Boltovsky, I.D. (ed.) (1912) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii. Polnyy tekst vseh 16 tomov, soglasovanny s poslednimi prodolzheniyami, izdannymi v poryadke st. 87 zakonov osnovnykh, i pozdneysimi uzakonenyami* [The Code of Laws of the Russian Empire. The full text of all 16 volumes, consistent with the latest sequels, published in the order of Art. 87 of the laws of the basic and later laws]. St. Petersburg: [s.n.].
24. Goryainov, S.M. (1903) *Rukovodstvo dlya konsulov* [A Guide for Consuls]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
25. Bichurin, I. (1828) *Zapiski o Mongolii* [Notes on Mongolia]. St. Petersburg: Karl Krai.
26. China. (1828) *Ulozhenie Kitayskoy Palaty vneshnikh snosheniy* [The Code of the Chinese Chamber of Foreign Relations]. Translated from Manchu S.V. Lipovtsov. Moscow: [s.n.].
27. Ryazanovskiy, V.A. (1931) *Mongol'skoe pravo (preimushchestvenno obychnoe)*. Istoricheskiy ocherk [The Mongolian Law (with special reference to the customary law)]. Kharbin: N.E. Chinarev.
28. Pyasetsky, P.Ya. (1880) *Puteshestvie v Kitay v 1874–1875 gg. (cherez Sibir', Mongoliyu, Vostochnyy, Sredniy i Severo-Zapadnyy Kitay)*. *Iz dnevnik chlena ekspeditsii* [Travel to China in 1874–1875 (via Siberia, Mongolia, East, Middle and North-West China). From the diary of a expedition member]. In 2 vols. St. Petersburg: M. Katkov.
29. Edinarkhova, N.E. (2003) *Russkie v Mongolii: osnovnyye etapy i formy ekonomicheskoy deyatelnosti (1861–1921 gg.)* [Russians in Mongolia: the main stages and forms of economic activity (1861–1921)]. Irkutsk: Ottisk.
30. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 562.
31. Startsev, A.V. (2000) *Rossiyskiy kredit v rusско-mongol'skoy trgovle (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Russian credit in the Russian-Mongolian trade (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vostochnyy arkhiv*. 4-5. pp. 86–91.
32. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 564.
33. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 616.
34. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 638.
35. Obukhov, V.G. (2007) *Skhvatka shesti imperiy. Bitva za Sin'tsyan* [The Fight of Six Empires. The Battle for Xinjiang]. Moscow: Veche.
36. Dolbezhev, V.V. (1907) *Russkaya trgovlya v Khalkhaskoy Mongolii* [Russian trade in Khalkha, Mongolia]. *Sbornik konsul'skikh doneseniya*. 4. pp. 291–297.
37. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 563.
38. Archives of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Fund 44. List 1. File 139.
39. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 565.
40. Ilin, Yu.D. (1969) *Osnovnyye tendentsii v razvitiy konsul'skogo prava* [The main trends in the development of consular law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
41. Popopov, V.L. et al. (1912) *Moskovskaya trgovaya ekspeditsiya v Mongoliyu* [Moscow Trade Expedition to Mongolia]. Moscow: P.P. Ryabushinsky.
42. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 566.
43. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 623.